Прокурору Ставропольского края
Немкину Юрию Александровичу
от Обрубова Андрея Сергеевича,
сына обвиняемой Лихомановой Е.В.
Адрес: [скрыто]
[скрыто]
Тел.: [скрыто]

ОБРАЩЕНИЕ

об освобождении незаконно задержанного лица и проверке
законности возбуждённого уголовного дела

Уголовное дело № 12602070011000039

Обвиняемая: Лихоманова Елена Владиславовна, [скрыто]

Содержится под стражей: СИЗО, до 16 июня 2026 года

Постановление: Пятигорский городской суд, судья Поляникова Т.В., 17.04.2026

Я, Обрубов Андрей Сергеевич, являюсь сыном Лихомановой Елены Владиславовны, [скрыто], проживающей по адресу: [скрыто] .

16 апреля 2026 года моя мать была задержана в порядке ст. ст. 91–92 УПК РФ. 17 апреля 2026 года постановлением Пятигорского городского суда Ставропольского края под председательством судьи Поляниковой Т.В. (материал № 3/1-44/2026) ей была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца — до 16 июня 2026 года. Я убеждён в незаконности как возбуждённого уголовного дела, так и избранной меры пресечения и прошу провести соответствующую проверку.

I. Уголовное дело возбуждено на основании рапортов одного лица без объективных доказательств

Поводом для возбуждения уголовного дела № 12602070011000039 по п.п. «а», «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ послужили: пять рапортов одного и того же сотрудника — оперуполномоченного ОЭБ и ПК Отдела МВД России по г. Пятигорску майора полиции Демченко А.В.; результаты оперативно-розыскной деятельности, предоставленные УФСБ России по Ставропольскому краю (рег. № 238пр-26 от 07.04.2026); а также материалы процессуальной проверки к ним. При этом все пять рапортов подписаны одним и тем же лицом и содержат одинаковую формулировку об обнаружении признаков преступления. Содержание материалов УФСБ суду в открытом заседании раскрыто не было, их относимость и достаточность применительно к конкретным действиям Лихомановой Е.В. судом не проверялась и в постановлении не отражена.

В постановлении о возбуждении уголовного дела роль моей матери описана лишь в общих чертах. Между тем в описании каждого из пяти конкретных эпизодов ([скрыто], [скрыто], [скрыто], [скрыто], [скрыто]) неизменно используется безликая формулировка «один из участников организованной группы» — без указания, кто именно из пяти обвиняемых участвовал в данном эпизоде и в каком качестве. Таким образом, моя мать взята под стражу при фактическом отсутствии доказательств её участия хотя бы в одном конкретном эпизоде.

II. Судебное решение было предрешено заранее — прямое указание на нарушение

независимости правосудия

Наиболее тревожным фактом является следующее. В момент, когда судья Поляникова Т.В. удалилась на совещание для вынесения решения, секретарь судебного заседания Афанасова Е.К. уже приступила к заполнению документов о заключении под стражу. Этот факт был непосредственно замечен присутствовавшими в зале суда и передан мне матерью. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что решение о заключении моей матери под стражу было принято до начала совещания судьи, то есть до реального рассмотрения и оценки доводов защиты. Это грубейшее нарушение принципа независимости суда, закреплённого ст. 120 Конституции Российской Федерации и ст. 8 УПК РФ, и требует незамедлительной проверки.

III. Доводы защиты были проигнорированы судом в полном объёме

В судебном заседании адвокат [скрыто] представил исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих необходимость содержания под стражей. Суд формально перечислил их в постановлении, однако не дал ни одному из них реальной оценки:

— моя мать имеет постоянное зарегистрированное место жительства (собственная квартира в [скрыто]), не судима, характеризуется положительно соседями и участковым уполномоченным;

— за 2,5 месяца до задержания, начиная с 30 января 2026 года, ей было достоверно известно об оперативной проверке (в ходе обыска в ритуальном салоне «Память» были изъяты электронные устройства, носители информации, документы и денежные средства, что зафиксировано в протоколе обыска). Тем не менее она никуда не уехала, продолжала проживать по месту регистрации и оставалась полностью доступной для следствия. Человек, намеревающийся скрыться, не оставался бы на месте на протяжении 2,5 месяцев при очевидном оперативном интересе к нему. Этот конкретный поведенческий факт суд не исследовал и в постановлении не отразил;

— изъятие в ходе обысков электронных устройств, носителей информации, документов и денежных средств (согласно протоколу обыска) физически исключает возможность уничтожения доказательств или оказания давления на свидетелей;

— моя мать добровольно выразила готовность сдать заграничный паспорт органам следствия, а адвокат ходатайствовал о применении домашнего ареста — суд отказал, ограничившись общими фразами без мотивировки невозможности более мягкой меры.

IV. Заключение под стражу причиняет тяжкий вред зависимым лицам

Моя мать является единственным опекуном моего деда — [скрыто], [скрыто] (85 лет), нуждающегося в постоянном уходе. Кроме того, на её иждивении находится несовершеннолетняя племянница — [скрыто], [скрыто] (11 лет). Заключение матери под стражу фактически лишило пожилого человека единственного опекуна и оставило ребёнка без попечителя. Суд отметил эти обстоятельства формально, но не принял их во внимание при выборе меры пресечения.

Помимо этого, моя мать страдает рядом хронических заболеваний, перенесла хирургические операции (в том числе имелось подозрение на онкологическое заболевание) и нуждается в постоянном медицинском наблюдении. Условия содержания в СИЗО ставят её здоровье под угрозу.

V. Показания [скрыто] не могут служить доказательством — процессуальные и фактические нарушения

В постановлении суда от 17.04.2026 в качестве одного из оснований для заключения под стражу указан «протокол допроса [скрыто] от 28 февраля 2026 года». Между тем данная ссылка содержит грубые процессуальные и фактические нарушения.

Во-первых, представленный документ является не протоколом допроса, а протоколом опроса,

составленным в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (п. 1 ч. 1 ст. 6). Результаты ОРД приобретают статус доказательств лишь после их введения в уголовное дело в установленном порядке — в частности, через проведение допроса свидетеля по правилам ст.ст. 187–191 УПК РФ. Этого сделано не было. Использование оперативного опроса как основания для заключения под стражу нарушает ч. 2 ст. 74 и ст. 75 УПК РФ: перечень допустимых доказательств является исчерпывающим, а доказательства, полученные с нарушением УПК, признаются недопустимыми.

Во-вторых, при проведении опроса присутствовал майор полиции Демченко А.В. — тот самый сотрудник, который является автором всех пяти рапортов, ставших основанием для возбуждения уголовного дела и заключения под стражу. Его участие в получении показаний, положенных в основу его собственных рапортов, ставит под серьёзное сомнение независимость и объективность этого источника.

В-третьих, [скрыто] работала в ритуальном агентстве «Память», тогда как в своих показаниях подробно излагает, что именно говорили родственникам умерших [скрыто] и [скрыто] непосредственно в помещении патологоанатомического отделения. В момент этих разговоров [скрыто] в морге не находилась. Её показания в этой части являются пересказом с чужих слов — сведениями, достоверность которых не может быть установлена и которые в силу ст. 88 УПК РФ подлежат критической оценке.

В-четвёртых, [скрыто] уволилась из ритуального агентства «Память» в октябре 2024 года, что прямо следует из её собственных показаний. Все пять инкриминируемых эпизодов относятся к периоду май–август 2025 года. Таким образом, она не могла быть очевидцем ни одного из вменяемых событий.

В-пятых, [скрыто] была уволена работодателем, что само по себе является основанием для проверки её возможной личной заинтересованности в даче показаний против бывшего работодателя. Обстоятельства увольнения следствием не проверялись и в материалах дела не отражены. В силу ст. 88 УПК РФ суд обязан оценивать каждое доказательство с точки зрения достоверности, в том числе с учётом возможной личной заинтересованности источника. Этого сделано не было.

В-шестых, даже если бы данный опрос и обладал доказательственной силой, он не подтверждал бы причастность Лихомановой Е.В. к инкриминируемым преступным действиям: в показаниях [скрыто] моя мать не упоминается ни в одном конкретном эпизоде получения денег или запугивания родственников. Единственное упоминание Лихомановой Е.В. — её участие в переоформлении ИП, что само по себе не образует состава преступления.

VIII. Позиция моей матери и её показания

На допросе в качестве подозреваемой 16.04.2026 моя мать дала подробные показания и последовательно отрицала свою причастность к вменяемым преступлениям. Она пояснила, что лишь помогала супругу вести легальный бизнес — ритуальный салон «Память» (ИП [скрыто]), занималась продажей ритуальных товаров, организацией похорон и работой с клиентами. Никаких денежных средств от родственников усопших за ускорение вскрытий или выдачи медицинских свидетельств она не принимала. Вину в инкриминируемых преступлениях не признаёт.

VII. Постановление о возбуждении уголовного дела содержит систематические фактические и логические ошибки во всех пяти эпизодах

Анализ текста постановления о возбуждении уголовного дела от 16.04.2026 выявляет систематические ошибки, повторяющиеся в каждом из пяти вменяемых эпизодов, что свидетельствует о механическом копировании шаблонного текста без проверки фактических данных.

Эпизод 1 ([скрыто]). В тексте указано, что участник группы передал [скрыто] «полученные от

[скрыто] денежные средства в сумме 90 000 рублей». Между тем [скрыто] — это умерший, деньги платила его родственница [скрыто] . Таким образом, в тексте перепутаны инициалы умершего и плательщика. Кроме того, [скрыто] передаётся вся сумма 90 000 рублей, тогда как взяткой признаётся лишь 15 000 рублей — судьба оставшихся 75 000 рублей законной выручки в постановлении не объяснена.

Эпизод 2 ([скрыто]). Текст содержит формулировку «за подготовку тела умершего [скрыто]». Однако [скрыто] — это родственница, обратившаяся за услугами; умерший — [скрыто] . Перепутаны инициалы умершего и его родственницы. Та же финансовая непоследовательность: [скрыто] передаётся вся сумма 60 000 рублей, хотя взятка — лишь 15 000 рублей.

Эпизод 3 ([скрыто]). Текст содержит фразу «о чем последняя был не осведомлен»: слово «последняя» стоит в женском роде, тогда как плательщиком являлся [скрыто] — мужчина. Данная ошибка является прямым следствием механического копирования шаблона из другого эпизода без замены рода. Та же финансовая непоследовательность: 90 000 рублей — [скрыто], взятка — 15 000 рублей.

Эпизод 4 ([скрыто]). Данный эпизод содержит наибольшее число ошибок. Во-первых, в тексте написано «В свою очередь [скрыто]» — однако инициалы Р.В. принадлежат [скрыто], а не умершему [скрыто] Во-вторых, далее: «полученные от [скрыто] денежные средства» — та же ошибка, инициалы Р.В. вновь приписаны умершему вместо плательщика [скрыто]. В-третьих, платёж совершён со счёта, открытого на имя «[скрыто]» — лица, которое ни разу ранее в тексте не упоминается и чья связь с делом не объяснена.

Эпизод 5 ([скрыто]). Текст содержит формулировку «полученные от [скрыто] денежные средства». [скрыто] — умерший мужчина, деньги платила его родственница [скрыто] . Помимо этого, в тексте одновременно используются слова «последняя» (женский род) и «был» (мужской род) — грамматическое противоречие, возникшее из-за копипасты. Та же финансовая непоследовательность: [скрыто] передаётся вся сумма 50 200 рублей, взятка — 15 000 рублей.

Системная ошибка во всех пяти эпизодах. Во всех эпизодах используется грамматически сломанная конструкция: «передал информацию... а [скрыто], реализуя преступный умысел...». Имя [скрыто] стоит в родительном падеже вместо требуемого дательного («[скрыто]»), из-за чего в тексте грамматически не установлено, что именно [скрыто] получил денежные средства. Это системная ошибка копипасты, повторяющаяся без исключения во всех пяти эпизодах.

Перечисленные ошибки в совокупности свидетельствуют о том, что постановление о возбуждении уголовного дела составлено путём механического копирования шаблона без надлежащей проверки фактических обстоятельств каждого эпизода. Это ставит под сомнение достоверность и обоснованность всего документа в целом.

На основании изложенного,

ПРОШУ:

1. Провести проверку законности и обоснованности возбуждения уголовного дела № 12602070011000039 в отношении Лихомановой Е.В., с учётом того, что единственным основанием послужили рапорты одного сотрудника без приложения каких-либо объективных доказательств.

2. Проверить факт заполнения секретарём судебного заседания Афанасовой Е.К. документов о заключении под стражу до вынесения судьёй Поляниковой Т.В. постановления по итогам совещания — как возможный признак предрешённости судебного решения и нарушения принципа независимости правосудия.

3. Принять меры прокурорского (надзорного) реагирования в связи с нарушениями требований ст.ст. 97, 99, 108 УПК РФ при избрании в отношении Лихомановой Е.В. меры пресечения в виде

заключения под стражу.

4. Проверить обстоятельства увольнения [скрыто] из ритуального агентства «Память» и дать оценку достоверности её показаний с учётом: (а) того, что она уволилась в октябре 2024 года и не могла быть очевидцем ни одного из вменяемых эпизодов 2025 года; (б) того, что представленный документ является протоколом опроса в рамках ОРД, а не протоколом допроса, и не может использоваться судом как доказательство в силу ст. 89 УПК РФ; (в) того, что при опросе присутствовал Демченко А.В. — тот же сотрудник, который составил все пять рапортов-оснований для возбуждения дела, что свидетельствует о его личной заинтересованности в формировании показаний; (г) наличия у [скрыто] личного мотива для оговора в связи с возможным присвоением ею денежных средств работодателя.

5. Провести проверку постановления о возбуждении уголовного дела от 16.04.2026 на предмет систематических фактических ошибок: в четырёх из пяти эпизодов перепутаны инициалы умерших и плательщиков; в эпизоде [скрыто] имя родственника ([скрыто]) заменено на фамилию умершего; во всех эпизодах не объяснена судьба денежных средств сверх суммы взятки; грамматическая конструкция о получении денег [скрыто] нарушена во всех пяти случаях.

6. Рассмотреть вопрос об изменении меры пресечения в отношении Лихомановой Е.В. на домашний арест по адресу: [скрыто] с учётом её личных обстоятельств, наличия зависимых лиц и отсутствия реальной угрозы скрыться от следствия.

7. Уведомить меня о результатах рассмотрения настоящего обращения по адресу: [скрыто] ; тел.: [скрыто].

Приложения:

1. Копия постановления суда об избрании меры пресечения от 17.04.2026;

2. Копия постановления о возбуждении уголовного дела от 16.04.2026;

3. Копия протокола допроса Лихомановой Е.В. от 16.04.2026;

4. Копия возражения адвоката [скрыто] на ходатайство следователя об избрании меры пресечения от 17.04.2026;

5. Копия протокола опроса [скрыто] от 28.02.2026 (УФСБ России по Ставропольскому краю);

«19» апреля 2026 года

Заявитель: Обрубов Андрей Сергеевич

Контактный адрес: [скрыто]

Телефон: [скрыто]

Копия для публикации. Персональные данные частных лиц скрыты.